

О. К. Ермакова

КОНТРАКТЫ С ИНОСТРАНЦАМИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.: РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-147-154

УДК 94(470)“18”

ББК 63.3(2)521.1

Статья посвящена качественно новому этапу развития договорных отношений между российским государством и частными лицами — иностранцами, переход к которому стал очевиден в эпоху Александра I. На основе источниковедческого анализа контрактов с иностранцами, опирающегося на методы дипломатики, автор показывает, что в первой четверти XIX в. восприятие договора представителями властных структур (даже если государство не выступало контрагентом) характеризовалось осознанием необходимости четкого соблюдения условий, недопустимости нарушения, а также признанием доминирующей роли контракта над конкретными обстоятельствами (в том числе такими, что делали бессмысленным для казны дальнейшее исполнение договора). В качестве иллюстрации выбраны соглашения с горными инженерами и администраторами, приглашенными на уральские заводы в начале XIX в. Для сравнения проанализированы не только государственные контракты, но и частноправовые акты трудового найма, заключенные предпринимателем немецкого происхождения Андреем Кнауфом с другими иностранцами, нанятыми им в период управления Златоустовскими заводами на правах аренды. Сделан вывод о том, что в исследуемую эпоху контракт уже нельзя было считать своего рода «фикцией» (выражение В. Живова), каковым он во многом являлся в царствование Петра I, когда только вошел в массовое употребление в связи с активным привлечением иноземцев в Россию. Укрепление юридической силы контрактов обеспечило наемным иностранным специалистам начала XIX столетия довольно устойчивый правовой статус, а эволюция отношения власти к договорным обязательствам свидетельствовала о сближении российской и западной правовых культур.

Ключевые слова: *контракт, договорные отношения, иностранные специалисты, правовая культура, дипломатика*

Ричард Уортман, рассуждая о правовом сознании в России XVIII в., называет право «идеалом и украшением российской политической культуры», а также приводит слова В. Живова о «недейственности» закона, предназначенного «не для приведения в действие, а для выполнения “идеологической функции”», и о том, что право являлось «“культурной фикцией”, возвеличивавшей мифический имидж монарха».¹ Представляется, что подобные утверждения применимы не только к сфере законодательства и его исполнения, но и к договорному праву в случаях, когда одним из контрагентов выступало государство. Пользуясь выражением В. Живова, точно так же

можно сказать, что контракт с частным лицом (иностранцем) являлся своего рода фикцией, особенно в эпоху Петра I.² Только задача ставилась не столь символическая, как возвышение образа государя, а более практическая. Договор нужен был для того, чтобы заполучить на русскую службу квалифицированных специалистов из Западной Европы. В то же время вопрос имиджа и здесь играл роль: только на условиях найма по контракту иностранцы соглашались приезжать, а значит, Россия должна была соответствовать их представлениям о государстве, в котором соблюдается принцип «обязательности договоров». В течение XVIII столетия отношение к контракту

¹ Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 24. Подробнее рассуждения В. Живова см.: Живов В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–305.

² О позиции государственных структур по отношению к контрактам с иноземцами в XVIII в., «динамике» контракта (соблюдении и нарушении с обеих сторон) и начальном этапе эволюции формуляра см. подробнее: Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 52–59; Она же. Индустриальная идентичность Урала и правовая культура: на стыке западноевропейских и российских традиций (XVIII — середина XIX в.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2020. № 454. С. 131–136.

со стороны власти постепенно менялось, и можно наблюдать, как уже в царствование Екатерины II усовершенствовались тексты с точки зрения формуляра и содержания, что говорило и о повышении юридической силы договоров. Первая четверть XIX в. демонстрирует качественно новый статус контракта, превратившегося в реально работавший гарант прав обеих сторон.

Сложная международная ситуация в Европе начала XIX в. обострила отношения между российским государством и находившимися на его территории (или въезжающими в его пределы) иностранными подданными. Повышение подозрительности к иноземцам было вполне объяснимо и выражалось в ужесточении правил въезда в империю и введении ряда законодательных актов, обязывавших иностранцев принять присягу в том, что они не имеют отношения и не питают симпатий к недружественным России европейским правительствам (в частности, к французскому). Тщательно составлялись списки проживавших в разных частях страны иностранцев, а также проводились проверки их документов. Предпринятые меры привели к высылке определенного количества иностранных подданных за рубеж. Однако параллельно происходили и другие процессы. Для России по-прежнему оставался важным западноевропейский опыт в различных сферах деятельности, особенно же в условиях военной угрозы возросла необходимость переоснащения армии и создания с этой целью новых оружейных производств. Поэтому, ориентируясь прежде всего на немецких выходцев, оказавшихся в трудном положении из-за последствий наполеоновских вторжений, российские посредники осуществили масштабную вербовку мастеров по изготовлению оружия. Более того, именно на протяжении первой четверти XIX в. отчетливо наблюдалось (несмотря на общее недоверие к «чужим») улучшение отношения государства к личности иностранца, возникновение диалога между властными структурами и зарубежными специалистами. Очевидным становится и изменение представлений администраций разного уровня о сути договорных отношений, о юридической силе контракта, что свидетельствовало об эволюции правосознания и наметившемся сближении российской и западной правовых культур.

Наглядной иллюстрацией обозначенных тенденций может служить взаимодействие го-

сударства с иностранными техническими специалистами, работавшими в начале XIX в. на уральских горных заводах. В данном случае показательны договорные отношения не только между властью и иноземцами, но и контракты, где обе стороны представлены иностранцами, поскольку именно такие правоотношения предшествовали фактам масштабной вербовки иностранцев-оружейников на казенные фабрики в данный период. Речь идет, в частности, о найме предпринимателем Андреем Кнауфом (московским купцом немецкого происхождения) соотечественников для работы на Златоустовском заводе, управляемом им на правах аренды. Однако в 1811 г. завод снова перешел в казну, а потому горному начальству пришлось решать вопрос о дальнейшем исполнении еще не завершившихся договоров, заключенных А. Кнауфом с иностранными мастерами, брать на себя издержки, связанные с выплатой жалования, и заботу о дальнейшей судьбе контрактеров. Из источников следует, что правительство было заинтересовано в продолжении службы иностранными специалистами в Златоусте. Назначенный управляющим Златоустовскими заводами Клейнер получил от министра финансов указание «особенно иметь внимание к иностранцам, дабы их удержать при заводе собственными их выгодами и пользой заводов».³ По списку на заводе значилось 53 иноземца.⁴

Наиболее ценные иностранные кадры представляли собой фабрикант Давид Гильгер из Данцига и бывший прусский горный советник и «директор фабрик» Александр Эверсман. С обоими А. Кнауф заключил контракты на управление принадлежавшими ему заводами. Д. Гильгеру он пообещал часть прибыли, а А. Эверсману — высокое жалование. Первый из названных администраторов успел вступить в должность управляющего и к тому же оказать большую милость соотечественникам, повысив иностранным мастерам жалование, отчего впоследствии у А. Кнауфа образовались дополнительные долги.⁵ Александр Эверсман, напротив, к моменту передачи заводов в казну еще не приступил к административным обязанностям, а занимался лишь «устройством самодувных печей».⁶ С источниковедческой и историко-правовой точек зрения представляют

³ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 20б.

⁴ Там же. Л. 3–5.

⁵ Там же. Л. 102об.

⁶ Там же. Л. 6–6об.

интерес контракты, зафиксировавшие взаимные права и обязательства предпринимателя и нанятых им управленцев. Рассмотрим в качестве примера договор Андрея Кнауфа с Давидом Гильгером, заключенный в 1811 г.

В преамбуле договора сделано уточнение о том, что все ранее заключенные контракты теряют силу, а дальнейшая деятельность Д. Гильгера будет осуществляться на представленных в новом соглашении условиях. В первом пункте обозначены должностные обязанности и юридические основания работы контрагера как управляющего заводами (такowymi служили выданные ему доверенности), а также прописано обязательство регулярно предоставлять А. Кнауфу отчеты.⁷ Последнее — характерная особенность взаимодействий между наемными иностранцами и частными заводчиками. Например, зарубежные специалисты, работавшие на предприятиях Демидовых, аналогичным образом вели переписку с заводладельцами или их поверенными и подавали подробные отчеты (что также являлось одной из их обязанностей, согласно контрактам).⁸ Детально расписан доход Д. Гильгера от продажи заводских изделий, в зависимости от размера годовой выручки. Обозначен срок контракта — 5 лет. Одна из статей разъясняет порядок рассмотрения споров в рамках контракта: «Если по сему контракту паче чаяния оказываются будут какия либо сомнения или недоумения то оба контрактующия сим обязываются выбрать из посторонних людей со общего согласия безпристрастных посредственников и решением их довольными быть не доведя дела ни под каким предлогом до разбирательства присудственных мест, буде же однако ж кто из них в противность сего поступить то предварительно он должен платить в приказ общественного призрения пени пять тысяч рублей в пользу бедных».⁹ Определены права и обязанности наследников в случае смерти А. Кнауфа или Д. Гильгера в течение срока контракта. Специальным пунктом устанавливалось, что за шесть месяцев до окончания контракта стороны должны решить, желают ли они продолжать сотрудничество и продлевать договорные отношения. Заключительная статья содержит информацию об удостоверительных знаках (подписи сторон), распределении и хранении экземпляров под-

линник оставался у Д. Гильгера, а копия — у А. Кнауфа), а также необходимости «записи в Маклерскую книгу».¹⁰ По-видимому, Андрей Кнауф, как представитель купечества (к тому же иностранного происхождения), полагал, что подобного рода сделка нуждается в заверении маклером. Во-первых, это была абсолютно европейская практика, а во-вторых, маклеры в России в некотором смысле выполняли роль нотариусов.¹¹

Договор между А. Кнауфом и Д. Гильгером — яркий пример частного акта. По классификации С. М. Каштанова, это частный акт договорного вида (акт трудового найма).¹² Надо заметить, что частноправовые акты между иностранцами традиционно отличались неизменным вниманием к деталям, что вполне объяснимо: контрагенты преследовали цель максимально подробно оговорить условия сделки и избежать возможных споров.¹³ Причем детальная проработка касалась прежде всего, коммерческих вопросов.

Давид Гильгер, вероятно, перешел на заводы А. Кнауфа ввиду неудавшейся (или оказавшейся ненужной) перестройки казенного Ижевского завода, куда он и был изначально приглашен российским правительством. В 1806 г. российский консул в Данциге, статский советник Л. Трефурт, сообщил министру финансов о находящемся при фабрике стальных изделий в Данциге немецком фабриканте Давиде Гильгере, отличавшемся отменным искусством и знанием дела. Изделия Д. Гильгера пользовались большим спросом как в Европе, так и в России. Л. Трефурт узнал о поступившем фабриканту приглашении от британского консула переселиться в Англию и, в свою очередь, предложил Д. Гильгеру поехать в Россию на более выгодных условиях.¹⁴ Договор был

¹⁰ Там же. Л. 35об.

¹¹ См.: Лизунов П. В. Зарождение маклерства в России // Материалы III науч. чтений памяти профессора В. И. Бовыкина. URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Lizunov.pdf (дата обращения: 09.04.2021).

¹² См.: Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 151, 152.
¹³ Например, договор 1742 г. между иноземцем «шведской нации» Йоганном Фридрихом Гиришбергером и Санкт-Петербургским купцом, армянином Филипом Макзимовым представлял собой развернутый текст, определявший права участников контракта и их наследников в связи с совместным устройством железоделательного завода на Олонце. Споры должны были рассматриваться «добрым посредством через честных, добрых и совестных людей», а составлен договор в присутствии двух свидетелей. При этом один экземпляр контракта «компанейщики» передали в Берг-коллегию, так как действовали в рамках Берг-привилегии и нуждались в дозволении высшего горного ведомства на строительство заводов. РГАДА. Ф. 271. Оп. 2. Д. 16. Л. 30–32об.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–10.

⁷ Там же. Л. 33.

⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 887. Л. 17–190б.

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 340б.

подписан в 1807 г. в Петербурге. Целесообразно сравнить этот государственный контракт с частным договором Д. Гильгера с А. Кнауфом с позиций дипломатического анализа внутренней формы документов.

Обратимся к анализу формуляров обоих актов. Договоры начинаются с указания места и даты их заключения. Данный элемент условного формуляра, именуемый *datum*, в дипломатике традиционно относится к конечному протоколу акта.¹⁵ Однако перемещение этого компонента в начало текста являлось характерной чертой контрактов XIX в.¹⁶ Далее в первых статьях рассматриваемых актов обнаруживаем различия. В частном договоре между Д. Гильгером и А. Кнауфом после *datum* сразу следует статья договорного типа, относящаяся к диспозиции (*dispositio*) и определяющая характер устанавливаемых отношений — «учинено сие условие между...», после чего перечисляются контрагенты. Разделение на интитуляцию и инскрипцию в данном случае явно отсутствует. Условно контрагент № 1 — «московский первой гильдии купец и завододержатель Андрей Андреев сын Кнауф», контрагент № 2 — «иностранный фабрикант Давыд Петров сын Гильгер».¹⁷ За идентификацией участников сделки следует смысловое продолжение упомянутой выше договорной статьи, где продолжается мысль, о сути заключенного условия: «...в том, что все между ими состоящая условия и контракты, разумея тут и условие в разсуждении заведения иностранными мастерами фабрики, сим уничтожены так как будто они никогда не состояли, а на место того условлено...»¹⁸ С одной стороны, данную систему оборотов (пользуясь терминологией грамматически-дипломатического членения текста акта)¹⁹ справедливо отнести к диспозиции (то есть распоряжениям по существу дела), поскольку грамматически здесь

присутствует прямое указание на содержание заключенного «условия». В то же время, если пользоваться юридически-тематическим принципом и анализировать смысловое содержание данного компонента, можно расценить его как преамбулу (*arenga*), тем более что в общей структуре контракта он предваряет основную часть, содержащую новые условия договорных отношений (что очевидно и с документоведческой точки зрения: после данного абзаца следуют пронумерованные пункты, излагающие условия найма на следующие пять лет).

Что же касается преамбулы государственного контракта Д. Гильгера, она носит вполне классический характер, поскольку содержит юридическую ссылку на основание заключения договора — «согласно с Высочайшим соизволением со стороны казны».²⁰ В остальном первая статья соглашения схожа с договором фабриканта с А. Кнауфом. После *datum* следует диспозитивное «заключен сей договор», далее — упомянутая *arenga* и перечисление контрагентов. При этом, в отличие от частного договора с А. Кнауфом, где у обоих участников сделки указаны статусные характеристики, в данном случае чины и звания расписаны только применительно к одной стороне, которую представляет Андрей Федорович Дерябин, «обер-берг-гауптман 4 класса, горный начальник заводов Гороблагодатских, Камских, Пермских и банковских Богословских и управляющий Дедюхинскими соляными промыслами», тогда как Давид Гильгер назван просто «иностранцем».²¹

Основная часть текста казенного договора в целом структурно выстроена по тем же общим принципам, что и частный контракт с А. Кнауфом. Первые три пункта посвящены обязанностям Давида Гильгера, которые, однако, прописаны более подробно. Миссия Д. Гильгера в отношении государственных заводов состояла из двух этапов. Первый — вербовка иностранных мастеров за границей. В данной части договора в качестве исполнителя фигурирует третье лицо — оружейный мастер, иностранец Август Карл Поппе, совместно с которым Д. Гильгер должен был выполнить задачу по поиску и найму специалистов. Из текста не ясно, был ли заключен отдельный договор с А. К. Поппе, но содержится указание на

¹⁵ См.: Каштанов С. М. Указ. соч. С. 170.

¹⁶ См., напр.: ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 75. Л. 108; Ф. 212. Оп. 1. Д. 742. Л. 4; Д. 5592. Л. 8.

¹⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 33. С. М. Каштанов приводит наблюдения западных дипломатистов о том, что некоторые договоры лишены интитуляции, а потому в таких случаях участников следует обозначать как «контрагент № 1» и «контрагент № 2». При этом он замечает, что в русских частных актах субъектом интитуляции можно считать лицо, «обозначению которого предшествуют слова «се аз» <...>, тогда другой контрагент становится субъектом инскрипции». См.: Каштанов С. М. Указ. соч. С. 183. Однако в нашем случае действительно отсутствуют указания на то, кто является инициатором создания документа, а кто адресатом.

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 33.

¹⁹ См.: Каштанов С. М. Указ. соч. С. 192.

²⁰ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

²¹ Там же.

обязательственные отношения: «А. К. Поппе, которой **обязался** [выделено нами — Е. О.] вообще с Гильгером набирать работников...» Прописаны предполагаемые территории для осуществления вербовки, а также финансовое обеспечение путешествия. Кроме того, назван ожидаемый срок возвращения контрагтера — конец 1807 г.²² Фактически же Д. Гильгер вернулся из Европы только весной 1809 г., вызвав в Россию 134 иностранных мастера. То обстоятельство, что выполнение миссии по вербовке специалистов затянулось, тем не менее не вызвало санкций за нарушение контракта и не воспрепятствовало признанию заслуг Давида Гильгера Александром I — уже в мае 1809 г. императорским указом жалование фабриканта было обращено в пенсион.²³

Ко второму этапу своей миссии на казенных заводах Д. Гильгер должен был приступить после завершения вербовки оружейников и прибытия на Урал. Подчиняясь общим указаниям А. Ф. Дерябина, иностранный фабрикант «в звании управителя» обязывался осуществлять надзор за вновь организуемой инструментальной фабрикой, содействовать её устройству, «чтобы соответствовала цели своей и приносила пользу». Также Д. Гильгеру следовало прилагать старания для организации труда работников фабрики и контролировать качество производимых ими изделий. К его же компетенции относились проверка надлежащего хранения товаров и наблюдение за правильным ведением бухгалтерии (для чего ему выделялись специальные помощники). В целом же Д. Гильгеру надлежало приложить все усилия к тому, чтобы фабрика «пришла в хорошее состояние и сделалась совершеннее», а также в точности выполнять все распоряжения А. Ф. Дерябина.²⁴

Вернемся к договору фабриканта с А. Кнауфом и сравним перечень обязанностей контрагтера в случае частного найма. Подробных разъяснений в тексте не содержится, но сделан ряд акцентов. Вероятно, это связано с тем, что перед нами не первичное «условие». В первом пункте говорится, что Давид Гильгер «продолжает заниматься главным управлением всеми его Кнауфа заводами».²⁵ В первую очередь подчеркивается, что «по должности

Главногоуправляющего обязуется он во всех делах поступать честно, справедливо и добропорядочно, ничего противозаконного не делать...» Данный фрагмент больше напоминает элемент условного формуляра *sanctio*, включающий обязательство не нарушать контракт. Традиционно такой компонент входил в завершающую часть акта. Здесь же он перенесен в одну из первых статей диспозиции, а финал документа не содержит условий, касающихся обоюдного обязательства сторон соблюдать договор. Конкретизированы следующие должностные обязанности Д. Гильгера: правильно вести счета, предоставлять А. Кнауфу по его требованию отчеты, минимум раз в год объезжать и инспектировать все заводы и в целом «всемерно стараться о пользе Кнауфа и умножении доходов со вверенных его управлению заводов». Представляется, что последнее требование при известной относительности можно считать «формулой».²⁶ В государственном контракте Д. Гильгера аналогичным образом присутствует условие об общем старании, направленном на извлечение пользы и процветание фабрики. Пожалуй, мы не найдем в этих или иных договорах единой формулировки такого рода пунктов. Однако смысл остается неизменным, тогда как данное утверждение не подкрепляется разъяснением какой-либо схемы оценки этих «стараний вообще». Вероятно, таковым мог бы служить подсчет прибыли за время управления заводами наемным администратором или факты, свидетельствующие о росте производственных мощностей и т. п. Текст контракта не дает конкретики в этом отношении, а потому и последующая оценка эффективности его выполнения, по-видимому, оставалась на усмотрение высшего горного начальства или заводовладельцев.

Как и в соглашении Д. Гильгера с А. Кнауфом, договор фабриканта с казенным ведомством продолжается смысловым блоком условий, содержащих обязанности нанимателя (и одновременно — права иностранца). В государственном контракте соответствующие статьи сформулированы в виде обязательств

²² Там же. Л. 24–25.

²³ См.: Селивановский Н. С. Первые иностранцы на Ижевском оружейном заводе // Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции. 2011. № 3 (13). С. 39.

²⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 25–25об.

²⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 33.

²⁶ Наиболее дробные части статьи (элементы и характеристики, по методологии С. М. Каштанова) делятся на реалии, формулы и описания. «Реалии — имена лиц и названия географических объектов. Формулы — устойчивые выражения-штампы, переходящие из одного документа в другой. Описания — отступающие от “типичных” формул более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия» (Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 30).

А. Ф. Дерябина как представителя со стороны казны. Речь идет о жаловании Д. Гильгера (2500 рублей ассигнациями), а также о праве получения им 10 % прибыли ежегодно, обеспечении жильем и материалами для строительства собственного дома, предоставлении казенного капитала на строительство фабрики и обеспечении инструментами. Данный блок статей «закольцован» пунктом, вновь касающимся обязанностей Д. Гильгера, в котором он обещает выполнять поручения А. Ф. Дерябина не только по инструментальной фабрике, но и по оружейному заводу, если таковые возникнут.²⁷

Следующие три статьи государственно-контракта Д. Гильгера относятся к вопросам «динамики» контракта (срока действия, продления, расторжения) и статуса контрагента. Установлено, что договор заключается на 10 лет. По истечении данного периода жалование Д. Гильгера должно было перейти в пожизненный пенсион. Если же стороны договорятся о пролонгировании соглашения, то наряду с названной пенсией иностранцу следует назначить новое содержание. Казна имела право досрочно расторгнуть контракт, если по прошествии трех лет организуемая фабрика «будет в полном действии». При этом вознаграждение Д. Гильгера надлежало также оставить ему в качестве пенсионера. Если бы иностранец в течение срока контракта пожелал вступить в действительную казенную службу, то все проработанное время следовало зачесть ему в счет службы, а чин даровать в соответствии с занимаемой должностью по горной части. Содержание Д. Гильгера в этом случае не подлежало уменьшению. Договор завершается статьей, сочетающей в себе два элемента условного формуляра — *sanctio* и *corroboratio*. Первый заключается во взаимном обещании сторон в точности и «без всякого упущения» соблюдать контракт, а второй — в описании удостоверительных знаков: «в уверение чего два равных списка изготовлены обеими договорившимися сторонами подписаны и разменяны».²⁸ Как видим, государственный контракт не нуждался в удостоверении посредниками вроде маклерских контор, как в случае частноправового соглашения с А. Кнауфом.

В отличие от Д. Гильгера, Александр Эверсман приехал в Россию не на государственную

службу по контракту, а по частному приглашению Андрея Кнауфа. Контракт был заключен на выгодных условиях на срок 4 года. А. Эверсман наделялся широкими полномочиями, фактически имел право действовать как владелец и заводчик. Все финансовые расчеты могли производиться только с его предписания. А. Эверсману назначалось жалование в 700 голландских червонцев в год, при этом один червонец принимался за три рубля серебром. Кроме того, ему предоставлялась квартира с отоплением, освещением и прислугой, а также был дан переводчик.²⁹ Однако вскоре выяснилось, что А. Кнауф не в состоянии выполнить взятых на себя обязательств, а после перехода заводов в казну Александр Эверсман не замедлил обратиться в Департамент горных и соляных дел с ходатайством о выплате ему жалования, обещанного бывшим заводладельцем.³⁰ После тщательного разбирательства и переговоров с А. Кнауфом Эверсман получил часть требуемых им денег от казны. Знания и опыт прусского горного советника ожидаемо оказались востребованы на казенных предприятиях. На него, как когда-то на Д. Гильгера, возложили миссию по найму иностранных мастеров теперь уже для новой Златоустовской оружейной фабрики. Несмотря на многие трудности, А. Эверсман более чем успешно справился с поставленной задачей, в результате чего в Златоусте образовалась крупная немецкая диаспора. Усилия Александра Эверсмана удостоились щедрого вознаграждения как в карьерном плане (он получил должность директора фабрики), так и в материальном, а также статусном. Жалование составляло 6000 рублей, дополнительно назначалось 3000 рублей столовых. В марте 1817 г. А. Эверсмана наградили орденом Святой Анны 2-й степени. В октябре 1817 г. он получил увольнение в отставку по болезни. Несмотря на то что А. Эверсман не выслужил полных пяти лет, ему был назначен пенсион в размере полного оклада.³¹

Опыт службы по контрактам Давида Гильгера и Александра Эверсмана демонстрирует, что властные структуры и их представители, выступая контрагентами, не только четко

²⁷ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 26–27.

²⁸ Там же. Л. 28–28об.

²⁹ См.: Куликовских С. Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.). Челябинск, 2006. С. 37; РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 3, 6–6об.

³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 31–31об.

³¹ См.: Куликовских С. Н. Указ. соч. С. 36–45.

соблюдали договоры с иностранцами, но и дополнительно поощряли наемных администраторов. Более того, в первой четверти XIX в. подобное отношение распространялось не только на наиболее ценных и высококвалифицированных специалистов, но и на рядовых мастеров. Степень уважения к контракту видна из ситуации, сложившейся в связи с неясным положением иностранцев, нанятых А. Кнауфом, а затем перешедших «в наследство» казне. Директор Департамента горных и соляных дел, высказывая свое мнение по этому вопросу Министерству финансов, утверждал, что до принятия дальнейших решений всех иностранцев следует оставить на заводах на прежних условиях со всеми выгодами, которые они ранее получали. Свою позицию он аргументировал двумя доводами. Во-первых, судя по характеристикам, почти все мастера «суть люди сведущие в ремеслах весьма полезных для заводов», а во-вторых, «потому, что изменение в том сопряжено с одной стороны с нарушением контрактов, на основании коих вероятно они Кнауфом в Россию вызваны, а с другой совершенным для них разстройством по новости их здесь пребывания».³² Очевидно, что представители русской горной администрации заботились не

только о соблюдении государственных договоров, но и вообще воспринимали контракт как таковой (пусть и заключенный частным заводчиком) как юридически значимый документ, реальный гарант прав и привилегий сторон.

Изменение статуса контракта в представлении российских административных элит обуславливалось комплексом факторов. К таковым можно отнести общее повышение внимания к принципам законности, имиджевые стратегии (вспомним слова Александра I, приведенные А. С. Бурмакиным в Горном журнале, о том, что России — государству столь обширному и богатому, ничего не стоит хорошо содержать 200 семейств иностранцев),³³ развитие коммуникативных практик и выстраивание диалога между властью и подданными (или не подданными, но служащими русскому государю частными лицами — иностранцами). Постепенно правосознание представителей властных структур в данном аспекте сближалось с мировоззрением их контрагентов — иностранных специалистов, которые, по-видимому, могли чувствовать себя более уверенно, защищенно и привилегированно, чем их соотечественники, служившие российским монархам в предшествующий период.

Olga K. Ermakova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ermakovaok@mail.ru

CONTRACTS WITH FOREIGNERS IN THE FIRST QUARTER
OF THE 19TH CENTURY RUSSIA: DEVELOPMENT OF CONTRACTUAL RELATIONS
AND EVOLUTION OF LEGAL CONSCIOUSNESS

The article is devoted to a qualitatively new stage in the development of contractual relations between the Russian state and private individuals — foreigners, the transition to which became obvious in the era of Alexander I. On the basis of deep source analysis founded on the methods of diplomatics, the author demonstrates that in the first quarter of the 19th century the perception of a contract by representatives of power structures (even if the state did not act as a counterparty) was characterized by an awareness of the need for strict compliance with the conditions, the inadmissibility of violation, as well as the recognition of the dominant role of the contract over specific circumstances (including those that made the further execution of the contract meaningless for the treasury). As an illustration, the author selected agreements with mining engineers and administrators invited to the Ural factories in the early 19th century. For comparison, the paper analyzes not only government contracts, but also private-law acts of employment concluded by a German-born entrepreneur Andreas Knauf with other foreigners hired by him during the management of the Zlatoust plants on a leasehold basis. It is concluded that in the epoch under study, the contract could no longer be considered as a kind of “fiction” (V. Zhivov’s expression), which it really was in many ways during the reign of Peter I, when it just entered into mass use due to the active attraction of foreigners to Russia. The strengthening of the legal force of contracts

³² РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 7–70б.

³³ См.: Бурмакин А. С. Исторические данные по введению изготовления холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике немецкими мастерами // Горный журнал. 1912. Т. 4. С. 251.

provided hired foreign specialists at the beginning of the 19th century with a fairly stable legal status, and the evolution of the government's attitude to contractual obligations indicated the convergence of Russian and Western legal cultures.

Keywords: *contract, contractual relations, foreign specialists, legal culture, diplomatics*

REFERENCES

- Ermakova O. K. [Contracts with foreign specialists in Russia at the beginning of the XVIII century: the origin of the source and the formation of the variety of acts]. *Istorija: fakty i simvolj* [History: Facts and Symbols], 2018, no. 4 (17), pp. 52–59. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-52-59 (in Russ.).
- Ermakova O. K. [The industrial identity of the Urals and legal culture: at the intersection of Western European and Russian traditions (the 18th to mid-19th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2020, no. 454, pp. 131–136. DOI: 10.17223/15617793/454/15 (in Russ.).
- Kashtanov S. M. *Očerki russkoy diplomatiki* [Essays on Russian diplomatics]. Moscow: Nauka Publ., 1970. (in Russ.).
- Kashtanov S. M. *Russkaya diplomatika* [Russian diplomatics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1988. (in Russ.).
- Kulikovskih S. N. *Zlatoustovskaya shkola avtorskogo holodnogo ukrashennogo oruzhiya. Stanovlenie i razvitie (1815–1860 gg.)* [Zlatoust school of authorial cold decorated weapons. Formation and development (1815–1860)]. Chelyabinsk: YuUrGU Publ., 2006. (in Russ.).
- Lizunov P. V. [The origin of brokerage in Russia]. *Materialy III Nauchnyh chteniy pamyati professora V. I. Bovykina* [Materials of the 3rd Scientific Readings in memory of professor V. I. Bovykin]. Available at: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Lizunov.pdf (accessed: 09.04.2021). (in Russ.).
- Selivanovskiy N. S. [The first foreigners at the Izhevsk arms factory]. *Idnakar. Metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii* [Idnakar. Methods of historical and cultural reconstruction], 2011, no. 3 (13), pp. 27–43. (in Russ.).
- Wortman R. S. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [The development of a Russian legal consciousness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. (in Russ.).
- Zhivov V. M. [History of Russian Law as a Semiotic Linguistic Problem]. *Zhivov V. M. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Zhivov V. M. Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, pp. 187–305. (in Russ.).

Для цитирования: Ермакова О. К. Контракты с иностранцами в России первой четверти XIX в.: развитие договорных отношений и эволюция правосознания // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 147–154. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-147-154.

For citation: Ermakova O. K. Contracts with foreigners in the first quarter of the 19th century Russia: development of contractual relations and evolution of legal consciousness // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 147–154. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-147-154.